

Откуда вышли опросы общественного мнения?

Татьяна Протасенко, Олег Божков
Социологический институт РАН

Два дня (27 и 28 февраля 2014 года) в Москве проходила IV международная социологическая конференция "Продолжая Грушина". И хотя в названии фигурирует слово "социологическая", этот форум de facto оказался междисциплинарным: здесь были исследователи общественного мнения, политологи, политтехнологи, представители власти и журналисты. Одним словом, все, кто в той или мере имеет отношение и к изучению, и к формированию общественного мнения. Кстати, собственно социологов — участников конференции можно было пересчитать по пальцам.

Структура мероприятия включала 10 тематических секций, 3 круглых стола и 3 мастер-класса. В определенном отношении состав участников конференции определил и её содержание. Так, достаточно перечислить названия некоторых тематических секций: секция 1: "Между наукой и управлением: социально-политическое прогнозирование как спорная территория интеллектуального производства", секция 6: "Моральный порядок и агрессия", секция 8: "Финансовое поведение в digital эпоху¹: как цифровые технологии меняют установки и практики людей", секция 10 "Кадровая политика в государственном управлении: отвечает ли вызовам времени?" Как видим, содержание этих секций чрезвычайно актуально и с общей темой конференции если и связано, то косвенно. Впрочем, это, безусловно, одно из положительных отличий настоящей конференции от многих других. В основном же, — и, прежде всего, на круглых столах и мастер-классах — обсуждались и содержательные, и методические проблемы изучения общественного мнения.

Секции работали параллельно, программа конференции очень насыщенная. Многие доклады, которые хотелось (да и надо было бы) послушать, проходили в одно и то же время в разных помещениях. Так что даже вдвоем сделать полный обзор этого представительного мероприятия просто невозможно. Поэтому отразим только то, что слышали и видели сами.

Тема пленарного заседания "Проблема доверия в современном обществе" оказалась актуальной, как для общеполитических вопросов, так и для сугубо профессиональных и задавала тон обсуждения, поддержанный на многих секциях и круглых столах. Приведем фрагмент преамбулы к пленарному заседанию, опубликованной в программе конференции.

"Неолиберальные реформы подорвали, а мировой экономической кризис окончательно уничтожил доверие общества к бизнесу, прежде всего наиболее могущественному — финансовому. Доверие к науке падает в ситуации прекращения потока крупномасштабных открытий, чьи результаты раньше быстро становились понятны и близки практически каждому — а теперь "рог изобилия" по видимости иссяк, зато практически достигнут предел сложности понимания современного мира обычным человеком. Завершение холодной войны сделало мир слабоуправляемым, а глобализация резко сократила возможности правительств влиять на жизнь людей — и вот мы видим кризис доверия к демократии и всем её основным институтам, включая парламенты, партии, выборы. Индустрии рекламы, пропаганды, политических техноло-

гий настолько пронизали нашу жизнь, а возросшая прозрачность в сочетании с более высоким уровнем образования людей сделали очевидными имитационный, манипулятивный, виртуальный характер огромного числа программ, заявлений, исходящих от официальных институтов. Распространение интернет-культуры и виртуальных социальных сетей не только подрывает доверие к "официальной" информации и вообще ко всему, что находится за пределами этих сетей, но и разрушает традиционные дружеские, соседские и даже семейные связи".

Любопытная параллель... Пару месяцев назад повсеместно появилась социальная реклама, ставящая во главу угла такие ценности как любовь, доверие и т.п. Текст ее такой: "Любовь — что это? Расскажите это детям. Все равно?" Щиты с темой любви бросаются в глаза везде в Петербурге. Зато в Москве почему-то доминирует именно тема доверия, и рядом с помещением, где проходила конференция, стоял именно такой щит — о доверии.

О доверии к результатам опросов полстеров (в свете ошибочных прогнозов исхода выборов мэра Москвы) было немало публикаций в сети, да и на конференции этот сюжет не оставили без внимания. В частности, в опросе участников конференции, который проходил в интерактивном компьютерном режиме с помощью планшетников, было опрошено 173 человека. Газета "Известия" (4 марта 2014 года) откомментировала результаты этого опроса в заметке "Социологи не верят собственным исследованиям", где отмечалось, что менее половины представителей социологического сообщества (46%) доверяют результатам исследований, публикуемым их коллегами. 48% признались, что полагаются на данные коллег лишь частично и только по определенным темам. Еще 3,5% заявили, что вообще никому из коллег не доверяют. И 3% опрошенных специалистов затруднились с ответом.

Этот вывод в принципе не верен. Для журналиста главное — хлесткий заголовок, а "попался" он на том, что для него любой опрос — это социология, хотя опросы общественного мнения к социологии имеют отношение лишь "по касательной". Мы сами принимали участие в этом опросе, и пришли к выводу: проблема именно в том, что в ходе опроса применялась неадекватная, жесткая автоматизированная система сбора данных с помощью планшетников по схеме закрытых вопросов с короткой шкалой: "да-нет-затрудняюсь ответить". Комментарии респондента в этой системе принципиально не предусмотрены, а интервьюеры от комментариев отмахивались, ибо их куда заносить. Методика позволяет лишь фиксировать жесткое распределение ответов и с упорством, достойным лучшего применения загоняла, интервьюируемого в "кривую" шкалу. А мир нынче как никогда многообразен, его невозможно свести к дихотомической черно-белой палитре. Да и выборки, как таковой в этом опросе не было предусмотрено, отвечали те, к кому интервьюеры подходили, и кто соглашался ответить. Кроме того, среди опрошенных собственно социологов, как мы уже отмечали, практически не было. Так что никаких оснований для распространения полученных результатов на все социологическое сообщество просто нет.

¹ Не удержимся от замечания. Так ли уж необходимо вставлять в название секции англоязычные слова? Зачем пропагандировать "смесь французского с нижегородским"? И без того русский язык сегодня становится все более ущербным.

Серьезное обсуждение проблемы достоверности, получаемых в опросах данных и, соответственно, повышения доверия к ним, как со стороны коллег, так и заказчиков, так и широкой публики шел не в кулуарах (под планшеты не очень хорошо подготовленных интервьюеров), а на тематических секциях № 3 "Методология социальных обследований" (Заседание 1. "Систематические ошибки выборки" и Заседание 2. "Ошибки измерения"); на двух заседаниях секции № 7 "Рынок исследований в России: инфраструктура, тенденции и перспективы", на секции № 2 "Региональные и местные выборы 2014-2015: новый запрос, новые правила, новые стратегии". А также на круглых столах.

Чрезвычайно важными были круглые столы № 1 "Автоматизация полевых опросов: современные методы, безбумажные технологии" и № 3 "Автоматизация телефонных опросов: современные подходы к регистрации данных". Обсуждались возможности и границы автоматизации проведения телефонных опросов (САТ). Современные технологии позволяют автоматизировать любой этап проведения полевой части исследования: генерацию выборки, набор телефонного номера, определение результата дозвона. Помимо этого — САТ обеспечивают аудиозапись всех контактов с респондентами и фиксируют разнообразные параданные², по которым можно оценить смещения реализованной выборки, валидность и достоверность полученных результатов.

Однако, на практике часть доступного функционала САТ не используется по различным причинам. В том числе из-за незнания всего арсенала возможностей автоматизации. Основная цель круглого стола — дать общее представление о спектре возможностей, открывающихся при использовании этой технологии с рассмотрением их достоинств и недостатков, выявить процессы, автоматизация которых может негативно сказаться на качестве собираемых данных. Особое внимание было уделено автоматизации набора номера, распознаванию результата дозвона и программированию элементов анкеты.

Отдельно рассматривались возможности и целесообразность сбора параданных, на основе которых может проводиться методическая работа по совершенствованию технологий проведения телефонных опросов. Для обсуждения были выбраны следующие вопросы.

Возможность и целесообразность фиксации параданных;
Ограничения при программировании элементов анкеты;

Возможность и правомерность оперативного изменения параметров опроса в процессе его проведения.

Главную оппозицию дискуссии сформулировал ведущий круглого стола № 3 Дмитрий Рогозин. Он категорически возразил против того, что из этого автоматизированного процесса пытаются убрать интервьюера и заменить его операторами, которые являются винтиками системы и не включены в содержательную часть опроса. По его мнению, в опросной команде обязаны присутствовать интервьюеры, обеспечивающие не только фиксацию ответов, но и включенные в содержательную часть, способные понять ответы респондентов.

По-видимому, опросы общественного мнения, касающиеся важнейших вопросов жизни общества, плохо приспособлены под методы супер автоматизированных опросов. Понять многие причины и мотивы поведения, выбора и т.п. невозможно исключительно в режиме плоских закрытых вопросов по типу پرسловутого ЕГЭ.

Самые острые дискуссии, пожалуй, состоялись на круглом столе № 2 "Социология versus "формирующие опросы": цели, методы, нормы этики". Мы, к сожалению, не смогли на нем присутствовать, но в кулуарах отголоски этой дискуссии были весьма заметны.

Не менее оживленно и интенсивно прошла секция № 9 "Экспедиция как инструмент социологического и культурно-антропологического исследования". Методологически отлаженные массовые количественные обследования работают исправно, однако регулярно попадают под подозрение в неспособности уловить существенные элементы и структуру процессов, происходящих в быстро меняющемся российском обществе. Экспедиция — это форма методологического возвращения к элементарным и базовым формам наблюдения и фиксации фактуры и ткани социальной реальности. С.Г Кордонский, к.ф.н., проф., зав. кафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ и профессор НИУ ВШЭ Ю.М. Плюсин настаивали на том, что социологические и культурно-антропологические экспедиции должны быть включены в учебные программы социологических факультетов, как обязательный элемент профессионального обучения. Оба докладчика, используя собственный опыт, убедительно доказывали эффективность обучения студентов в экспедициях и описывали отдельные приемы такого обучения.

О. Божков и С. Игнатова подчеркнули, что именно экспедиции дают возможность охватить такие (прежде всего, малонаселенные и депрессивные) территории, которые, как правило, не попадают в так называемые представительные выборки крупных опросных компаний. Следующий тезис авторов состоял в том, что экспедиция, в отличие от массовых опросов, требует особых условий организации и каждая экспедиция — это уникальный (единичный) случай. Нет двух совершенно одинаковых экспедиций. Экспедиция была и остается важнейшим методом сбора социологической информации.

В заключительной части доклада авторы солидаризировались с позиций Кордонского и Плюснина в том, что это интересный, живой, актуальный способ социализации студентов социологических специальностей в мире выбранной ими профессии. *"Однако наш опыт и опыт подобной практики других исследователей, финансовые и инфраструктурные сложности, с которыми мы столкнулись в ходе восьмилетнего экспедиционного процесса, приводит к выводу о том, что социологическая экспедиция в сложившихся условиях организации научного пространства — это скорее удел энтузиастов"*.

"Горячий сюжет"

Особый сюжет конференции — связан с ситуацией в Украине. Хотя на конференции не было специальной секции, посвященной этой теме — так или иначе она затрагивалась в докладах. Украину на конференции представляли несколько социологов. Некоторые из них выступали с заранее запланированными докладами, некоторые спонтанно. Обратим внимание на три доклада, которые прозвучали на секции 5 "Все познается в сравнении: опыт международных сравнительных исследований". Доклад А.П. Шестаковского из Национального университета им. Тараса Шевченко (Киев) назывался "Радикализованные европейцы? Ценности участников Евромайдана в сравнительной перспективе" и представлял результаты исследований, проведенных до радикализации майдана в декабре 2013 — январе 2014 г. Второй доклад Ю.Б. Савельева из того же университета: "Детерминанты активной гражданской позиции в европейских обществах" — был более теоретичен, в частности, этот докладчик утверждал, что новая повседневность характеризуется провалом не в коммуникациях, а в том, что нет возможности реализовать новые практики. Он считает, что снижение уровня жизни и удовлетворенности не ведет к активным действиям, рост доходов не ведет к росту взаимопомощи. Главная причина — недостаточный уровень солидарности в постсо-

² Под параданными исследования понимается структурированная информация, собранная в соответствии с разработанными заранее процедурами, сопутствующая основной анкете. По сути дела это автоматический протокол хода опроса, в ходе которого фиксируется время дозвона, время интервью, отказы от интервью и т.д.

ветском обществе.

Третье выступление³, профессора кафедры социологии Анны Кислы из Национального университета имени М. Драгоманова (Институт социологии, психологии и социальных коммуникаций) было целиком посвящено результатам исследований, которые автор и её коллеги проводили в период с начала декабря по февраль 2014. Симптоматично, что наша конференция закончилась как раз накануне крымского референдума и решения Совета Федерации РФ о судьбе Крыма. В своем очень эмоциональном выступлении Анна Кисла представила результаты опросов участников Майдана. Это три волны или три разных стадии развития событий: Майдан-митинг, Майдан-лагерь и Майдан-Сич (в переводе по аналогии с Запорожской Сечей, то есть боевые действия). Примечательно, что госпожа Кисла начала свое выступление с заявления — не верьте русским телевизионным каналам, они все врут⁴.

В связи с этим не можем не привести цитату из репортажа Юлии Гутовой в журнале "Русский Репортер" (№9 от 6-13 марта 2014, С. 20-25): *"Чего на самом деле хотят жители Крыма". "Ох, не поверишь, что это у нас происходит! — причитает Олег... Татары собрались поддерживать киевскую власть. С ними человек пятнадцать бандеровцев. Мусульмане-татары выступили заодно с бандеровцами, которые националисты. ...Олег против Януковича, который подвел народ и не сделал для Крыма того, что обещал. Но на митинге Олег дрался против тех, кто против Януковича..."*

А вот еще одна цитата из этого же репортажа, смысл которой заложен в высказываниях тех респондентов, которые ужасаются тому, что произошло на Майдане. *"Когда я смотрел на Майдан каждый день. И вот о чем думал. Когда в детстве мои сверстники ломали машинки. Крушили игрушки, мне всегда было жалко. Я не понимал, как можно что-то ломать, — это ведь кто-то сделал. Этот кто-то отдал свою силу, материальные затраты опять же. А другой человек пришел и разломал. И у меня до сих пор это не укладывается в голове: как могут одни люди создавать, а другие разрушать?..."*

Уже после конференции мы получили данные киевских опросов, внимательный анализ которых вызвал много вопросов. К этому добавились размышления после личных бесед с профессором Кисла. Что такое Киевский Майдан? Революция? Идеологический протест против остатков советского строя, образцов поведения, символов? Или протест против правящей верхушки, которая погрязла в коррупции и полностью ослабила власть на Украине? Борьба элит — прежде всего олигархических? Трудно дать однозначный ответ. Характерно, что на вопрос, поддерживает ли профессор Кисла снос памятников Ленину на Украине, она ответила, что она это не поддерживает, потому что это "наше прошлое, наша история..."

Все-таки хочется сказать несколько слов о результатах этих опросов. Данные четко фиксируют, прежде всего, социальную структуру участников Майдана и последующую динамику, когда Майдан из относительно мирного митинга стал превращаться в оплот боевых действий. Интересно, что в декабре 2013 г. в самом начале митингов Майдан демонстрировал практически половозрастную структуру, вполне репрезентативную населению Киева. — 43% женщин, 57% мужчин. 38% — люди до 30 лет, 49% — 30-54, 13% — 55 лет и старше. Изменение структуры шло в сторону увеличения доли мужчин (до 88%), людей возрасте 30-54 г., рабочих, частных предпринимателей и людей временно неработающих, приезжих из небольших населен-

ных пунктов, жителей Западной Украины (значительное увеличение) и из восточной и южной Украины (незначительное увеличение), говорящих дома исключительно на украинском языке. Соответственно, к февралю было зафиксировано значительное снижение доли людей с высшим образованием (с 63% до 43%), пенсионеров, студентов, собственно жителей Киева, Центральной Украины, русскоязычных. Большинство из майдановцев к февралю готовы были стоять там "столько, сколько нужно, до конца, до победы". Вопрос в том, что для каждого означала победа.

Проведенные исследования на Майдане на этот вопрос ответа не давали. Поскольку было довольно сложно отследить мотивацию действий активных участников протеста. Подчеркну, что практически не исследовалась идеологическая составляющая, возможно, потому что не находилась на поверхности. Последующие события показали, что основными двигателями протестов были экономические требования, и ценности прошлого, прошлой жизни. Причем они присутствовали как на стороне сторонников Майдана, так и его противников. Если внимательно прослушать интервью, которые давались рядовыми жителями Украины, то на одной стороне (в частности, у крымчан) звучали заявления о том, что они хотят в Россию. Потому, что там жизнь лучше. Зарплаты и пенсии больше. И уровень жизни в целом, работа есть. Но также ностальгия по Советскому Союзу, притом все: риторика и некоторые идеологические вкрапления были из нашего советского прошлого. В то же время, на Майдане звучали почти такие же заявления о работе, зарплате и уровне жизни, но уже в отношении Евросоюза, а среди ценностей прошлого присутствовали и лозунги Степана Бандеры, и другие воспоминания прошлой жизни. Чрезвычайно мало говорилось о современных европейских ценностях, идеологических предпочтениях и т.п. Коротко можно сказать, что экономика и прошлое задавили все остальные цели и задачи подобных социотрясений. Кстати, "социотрясения" должны быть чрезвычайно привлекательны как предмет исследования для социологов. Другое дело, что тут требуется разработка специального и высокочувствительного аппарата, методик исследования, чтобы вытащить порой глубоко скрытые мотивы поступков.

Еще один вопрос, который возникает в связи с подобными исследованиями — как и где, в каком качестве должны работать социологи в период таких социальных возмущений. Профессор Кисла сама провела все время с декабря по февраль на Майдане. Причем работала в разных ипостасях — и как волонтер, и как помощник медицинских работников. И как участник митингов. Это, безусловно, было полезно для понимания обстановки на Майдане. А, с другой стороны, переход от роли исследователя к роли активного участника событий может исказить оценку событий. Ибо это разные роли. Возможно, тут нужны исследователи не вполне вовлеченные в процесс.

В общем, здесь требуются специальные исследования для понимания того, как наше прошлое влияет не только на наше настоящее, но и на будущее. На наш взгляд, сегодня необходим именно такой вектор исследований.

"Моральный порядок и агрессия" — так называлась секция № 6, которая оказалась очень насыщенной философскими и культурологическими размышлениями. Именно на этой секции участники вернулись к обсуждению проблемы доверия в социуме.

³ Оно не было заявлено заранее, но прозвучало в полном формате.

⁴ Интересно, что на наших каналах (и оппозиционных, и федеральных) произносились примерно такие же фразы. А в разгар крымского кризиса 4-го марта одному из нас позвонили друзья из Германии, и сказали, что такой чернухи в отношении России и Крыма они не видели на местных каналах уже давно. Впоследствии перепутанность ценностей, целей, идеалов, тактики и стратегии поведения выявилась очень выпукло. И прежде всего это касается идеологической каши, которая существует в головах жителей Украины, включая и рядовых жителей, и политиков. Но это же существует и в головах россиян, что было зафиксировано в исследованиях ВЦИОМ. См. монографию "От плебисцита - к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011-2012 гг.". Под ред. В. Федорова, М., издательство и консалтинговая группа "Праксис", 2013, С. 18-99.

Тезисно обозначим наиболее содержательные суждения выступающих.

Г. Л. Кертман, к.и.н., заведующий аналитическим отделом Фонда "Общественное мнение": *"Наличествуя плохое отношение к любым ценностным смыслам противника, при этом не пересматриваются и не оцениваются свои. Не выработаны социокультурные агенты блокирования агрессии"*.

А.А. Игнатъев, к.ф.н., доцент Центра изучения религий РГГУ: *"В кризис перестают работать нормы, особенно в повседневной жизни"*.

В.А. Шилова, к.с.н., с.н.с., ИС РАН: *"Имеется дефицит в области морали и нравственности. Замалчивание реальных проблем. Важно мнение П. Штомпки о том, что доверие — основа общества. Современное человечество воспринимает беспорядок как нечто более красочное, чем порядок. Кризис доверия. Коммуникационные разрывы между поколениями, барьеры, очаги отчуждения между группами, разобщенность ведет к социальной агрессии"*.

В.Л. Римский, заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ (модератор этой секции): *"Немотивированная агрессия идет от низкого уровня морали. Этот результат связан с последними реформами. Быстрые трансформации, социальная аномия: разрушение норм и правил поведения. Норма — то, что нужно делать. Правила — то, как мы реально делаем. Есть убеждение, что другие должны поступать по норме, а мы — нет. Неформальные нормы зачастую оказываются сильнее, чем формальные"*.

Другой важный аспект. Недостатки социализации. Государство этим не занимается, у разных субъектов — разные правила. Общих правил и норм нет. Непонимание норм — отсюда и немотивированная агрессия. У индивидов отсутствует связанность с общепринятой системой ценностей и норм. И это моральное одиночество. Не всегда человек может самостоятельно выйти из этого морального одиночества. Кажется, что это стремление к свободе, но и отказ от свободы может быть решением проблемы одиночества. Человек не знает,

как реализовать себя, и это ведет к немотивированной агрессии. Надо искать пути достижения единения с обществом".

Итоги и перспективы

Мы уже отмечали пестрый состав участников конференции. Да, каждая группа участников представляла самые "сливки" того или иного сообщества. Но и среди них нет солидарности, да и уровень профессионализма в целом по стране не так уж высок, как могло показаться на этой конференции.

Когда приезжаешь на большие конференции (особенно в Москву) все меньше встречаешь знакомых лиц — идет смена поколений. И на этой конференции было много молодых (в том числе, студентов и аспирантов). С одной стороны, это и здорово, и правильно. Но, с другой, — оказывается все труднее найти с молодыми общий язык: они живут в другой парадигме. И мы не думаем, что эта новая парадигма открывает широкие перспективы познания. Публичная, активистская социология больше акцентированы на преобразование социума, нежели на познание изменчивых правил, по которым живет общество.

При регистрации каждый участник получил книжку Б.З. Докторовой, специально подготовленную и изданную для этой конференции "Все мы вышли из "грушинской шинели". К 85-летию со дня рождения Б.А. Грушина. (Москва, Vox populi, 2014). Эта книга показалась нам очень своевременной. В частности, в ней есть раздел "Грушин о препятствиях к проведению опросов в России", где констатируется не только определенное недоверие самого Грушина к опросам общественного мнения, но и приводится грушинская весьма глубокая аргументация такой позиции. Сдается, что сегодня и эта аргументация очень и очень актуальна.

И, наконец, о перспективах. В заключение вступительного слова на открытии конференции В.В. Федоров сказал, что, по всей вероятности, IV конференция будет последней. Нет, этот проект не сворачивается: есть идея придать ему иной статус и формат. На будущий год предполагается провести I-й Конгресс полстеров России.